

А. В. Вознюк
М. М. Заброцкий, кандидат педагогических наук, доцент;
Л. Н. Овандер доктор физико-математических наук, профессор

ОБ ИСТОКАХ И СУЩНОСТИ ЦЕЛЬНОГО

The concept of holomic knowledge as a neutral, medium, borderline, paradoxical essence is analysed. The practical ways of achieving the holomic knowledge are considered.

Философской аксиомой стал вывод о том, что взаимодействие – это первое, с чем сталкивается человек, рассматривающий движущуюся материю. Действительно, движение, являющееся неотъемлемым атрибутом материи, ее глобальнейшей универсалией, всеохватывающей тотализирующей сущностью, есть результат взаимодействия, которое в своем простейшем, а поэтому фундаментальном виде проявляется как биполярная субъект-объектная категория, выступающая наиболее общей объясняющей моделью действительности.

Данная модель приобретает колоссальную гносеологическую ценность в контексте понятийного поля, отражающего философскую традицию рассматривать мир в виде триадичной схемы: как субъект и объект (нечто внутреннее и внешнее, имманентное и трансцендентное, человек и мир, Я и не-Я) и границу между ними. Вследствие того, что граница имеет парадоксально-многозначное содержание (ибо принципиально невозможно сказать, кому она принадлежит: субъекту, объекту, им обоим, либо ни тому, ни другому [Лосев, 1983]), субъект-объектное отношение также парадоксально, так как с позиции вышесказанного субъект и объект, с одной стороны, представляют собой единый нерасторжимый комплекс (если граница принадлежит им обоим), а с другой, – они предстают как контрарные, отдельноположные, если граница принадлежит либо одному из них, либо является нечто самостоятельным.

Субъект-объектные отношения, теоретически воплощающие в себе любые два взаимодействующие элемента нашего мира, не являются чисто умозрительной моделью действительности, поскольку, как учит современная физика, Вселенная на ее фундаментальном квантовом уровне (на уровне микромира) представляет собой единый нерасчленимый комплекс, субъект-объектные составляющие которого связываются так называемыми непрчинными имплицативными синхроническими связями, обнаруживая реальность целостной (синхронической) причинности. С другой стороны, макромир предстает пред нами в виде конгломерата относительно непроницаемых материальных форм, причинно регулирующихся принципом классического линейного (диахронического) детерминизма и взаимодействующих по схеме субъект-объектного отношения, в котором субъект и объект отдельноположны.

Таким образом, как в сфере гносеологии, так и онтологии мы обнаруживает две теоретически принципиально равноправные схемы субъект-объектных отношений, в рамках одной из которых субъект и объект интегрированы в одно симфоническое целое, а в рамках другой – они выступают дискретными сущностями.

Знание вырабатывается принципиально в процессе взаимодействия человека и мира, поэтому к нему применима схема субъект-объектных отношений, из которой следует наличие двух видов знания, признанных логиками – синтетического и аналитического. Синтетическое знание целостно, синхронично, в то время как аналитическое – линейно-дискурсивно, диахронично.

Философы и логики признают, что в порождающем плане синтетическое знание предшествует аналитическому. Последнее представляет собой процесс разворачивания синтетического знания в форме определенного дискурса, преломляющего ту или иную научную парадигму, выражаемую в сфере той или иной знаково-символической системы. Таким образом, аналитическое разворачивание мысли обнаруживает только то, что в ней находилось в свернутом, синтетическом состоянии. Гегель полагал, что аналитическое положение содержит в себе задачу как уже решенную саму по себе [Гегель, т. 4, с. 30–40], а Л. Витгенштейн утверждал, что в логике процесс и результат эквивалентны, когда доказательство есть только механический способ облегчить распознавание тавтологии там, где она усложнена [Витгенштейн, 1958]. Кант трактовал синтетические суждения как расширяющие наши знания, а аналитические – как поясняющие то, что уже имелось, хотя и неявно, в посылках [Кант, т. 3, с. 229–231; т. 2, с. 394]. Рассуждения К. Гемпеля подтверждают это: "так как все математические доказательства опираются исключительно на логические выводы из определенных постулатов, то отсюда следует, что математическая теорема, такая, как теорема Пифагора в геометрии, не утверждает ничего, что является объективно или теоретически новым по сравнению с постулатами, из которых она выведена, хотя ее содержание может быть психологически новым в том смысле, что мы не подозревали того, что оно скрыто содержалось в постулатах". Э. Мах о геометрических доказательствах писал следующее: "Но тщательно удаляя из нашего представления все, что попало сюда лишь как прибавка к конструкции, а не через силлогизм, мы не найдем в нашем представлении ничего, кроме одного исходного положения" [см. Шляхин, 1978].

Исходя из вышесказанного можно говорить о принципиальной методологической изоморфности двух видов знания. Более того, можно логически безупречно показать вероятностную и логическую равнозначность этих двух полярных типов знания, ибо в субъект-объектном отношении две противоположные субъект-объектные позиции (их единство и их слитность) оказываются равновероятными уже в силу того, что они рассматриваются в цельном гносеологическом контексте, и в иных контекстах рассматриваться не могут.

Единство двух типов знания, фактически выступающих полярными друг по отношению к другу сущностями, предполагает неизбежность третьего, нейтрально-промежуточного, граничного, цельно-тотального типа знания, в сфере которого два противоположных типа знаний интегрируются. Данная нейтрально-граничная сущность (а попросту – граница), характеризующаяся, как мы показали выше, парадоксальными чертами, имеет множество онтологических проекций.

Граница, выступающая нейтральным, центральным моментом любого отношения, отражается в структуре логического суждения. Дело в том, что структура логического силлогизма универсальна и проистекает из структуры древнегреческого мифа [Шляхин, 1978]. В данной структуре (субъект – связка – предикат) связка как *граница* между двумя логическими терминами имеет решающее значение и является логической и языковой универсалией, а возникновение логики как науки зависит от той роли, которую играет данная связка [Юдакин, 1984]. Известно также, что “человеческие гены воспроизводят себя не в некоей общей аморфной массе населения страны, региона, континента или мира в целом, а именно в этнических границах” [Рычков, 1989]. Скажем также, что жизнь “роится” на границах трех сред – океана, суши и воздуха [Голицын, Петров, 1990]. О роли границы мы можем узнать и из факта про так называемые “третичные зоны мозга” А. Р. Лурии (зоны ассоциативного перекрытия), где вторичные зоны, реализующие специфические функции, пересекаются и где утрачивается модальная специфичность. Именно третичные зоны обеспечивают ощущение более высокого порядка [см. Спрингер, Дейч, 1983]. Феномен границы мы находим и в следующем факте: “максимум делящихся клеток приходится на предзвездные часы, когда ночь сменяется световым периодом” [Рыбаков, 1979]. Интересно, что период от трех до пяти утра многими эзотерическими истониками полагается моментом “Х”, когда космос и человек “соприкасаются”. Колдуны древности, как отмечал К. Кастанеда, называли время захода и восхода солнца “щелью между двумя мирами”. Психологам известно, что в состоянии перехода между сном и бодрствованием наличествует парадоксальная фаза, являющаяся искомой целью духовных практик: “Грань между сном и бодрствованием условна; то и другое сочетая в духе, ты в *третье состояние* обязан себя ввести” (В. Сидоров). В психологии переходные фазы в процессе роста организмов называются критическими, бифуркационными, играющими решающую роль в выборе направления органогенеза и в формировании психических функций. В концепциях решения проблемы, принятия решения граница может пониматься как “логический вакуум” – неотъемлемый атрибут всякого познания, которое, развиваясь скачкообразно, время от времени обнаруживает “логические вакуумы”, заполняющиеся логической мыслью после процесса озарения [Алексеев, Панин, 1991]. В экзистенциализме “граничной ситуации” между жизнью и смертью (соотносящейся с такими культурологическими феноменами, как инициация, посвящение, крещение и т. д.) придается решающее значение в процессе прозрения человеком своей сущности.

Итак, цельное знание как единство синтетического и аналитического знания выражает парадоксальное состояние единства противоположностей и их борьбы. В сфере цельного знания мир оказывается столь же единым (субъект-объектно слитным), сколь и множественным (субъект-объектно раздельным), где члены таких дихотомических пар, как простое и сложное, часть и целое, актуальное и потенциальное, причина и следствие, целостная и линейная причинности, существо и его имя, субстанция и функция, внутреннее и внешнее, прошедшее и будущее, чувственное и логическое, начало и принцип, символ и символизируемая реальность, искусственное и естественное, цель и средство, рациональное и иррациональное, сознание и подсознание, динамика и статика, религиозно-мифологическое и научно-теоретическое, субъективное и объективное, трансцендентное и имманентное, идеальное и материальное, добро и зло, мистическое и аналитическое, сакральное и профаническое, макро- и микрокосмическое... одновременно не дифференцируются и дифференцируются.

Механизмы практического достижения цельного знания обнаруживаются в концепции функциональной асимметрии полушарий головного мозга человека, которую мы будем рассматривать в статье “Новая парадигма образования и воспитания как выразитель идеала цельного знания”. Что же касается способов выражения цельного знания, то они преломляются в сфере двух полярных типов знания – синтетического (интуитивного) и аналитического (рационального).

В плане синтетического знания субъект и объект познания не дифференцируются, поэтому познание здесь достигается “всем телом” (В. В. Налимов), “всеми силами организма” (В. Дильтей), через феномен “космической симпатии” древнегреческих философов, а выражение результатов познания принципиально многозначно, целостно, строго не привязано к знаково-символическим, художественно-метафорическим дифференцировкам и имеет вид интуитивных прозрений, обнаруживаемых в поле так называемого “сумеречного”, мистического, многозначно-неопределенного постижения бытия. Нужно указать, что более “экономнее” выражать данный тип знания в русле религиозно-мифологического, художественно-метафорического многозначного освоения действительности.

В плане аналитического знания субъект и объект познания дифференцируются, что выражается, во-первых, в принципиальной опосредованности такого познания сущностями, которые заполняют брешь между субъектом и объектом (такowymi сущностями являются анализаторы чувств человеческого организма, научные приборы,

формулы, теоретические объекты, символические системы и др.), и во-вторых, результаты аналитического знания репрезентируются преимущественно в дискурсивном знаково-символическом, однозначном виде, так как любая символическая система состоит из знаковых элементов, находящихся в определенных достаточно строгих однозначных парадигматических и синтагматических отношениях друг к другу, что позволяет донести выражаемую информацию с минимумом искажений. При этом эта информация, в силу субъект-объектной поляризации, транслируется в биполярном виде, что проявляется в законах классической логики (например, в законе исключенного третьего), выступающей языком науки как формы общественного сознания.

Выражение цельного знания через средства синтетического знания имеет многозначно-расплывчатый, характер. В то время как выражение цельного знания через средства аналитического знания требует достаточно однозначной четкой формы. Понятно, что цельное знание, парадоксальным образом интегрирующее синтетическое и аналитическое знания, должно и может быть передано посредством такого языка, который бы унифицировал когнитивные стратегии двух полярных типов знания – стратегии многозначности и однозначности, формируя такое миропонимание, в котором реалии мира рассматриваются как регулирующиеся одновременно двумя типами детерминации – циклическим и линейным.

Существует возможность моделирования цельного знания средствами аналитического знания через использование неклассических (многозначных, модальных и т. д.) логик. Здесь уместно привести одну из таких логик – индийскую, где в сфере отношений логических терминов утверждения и отрицания обнаруживаются четыре логически равнозначные альтернативы: либо утверждение; либо отрицание; и то, и другое одновременно; ни то, ни другое. Данную логику Ю. А. Урманцев использует для анализа "философско-мировоззренческих предпочтений". Здесь можно говорить о четырех альтернативах в плане соотношения категорий субъективного и объективного (материального и идеального): 1) Субъективную реальность как единственно возможную признают солипсисты (йогачары, Брюне, Беркли и др.). 2) Объективную реальность как единственно возможную признают вульгарные материалисты, "научные материалисты", чарваки, Демокрит, Бэкон, Маркс, Энгельс, Ленин и др. 3) Обе эти реальности как несводимые друг к другу, как взаимно паритетные признают дуалисты (Саутрантики, картезианцы). 4) Существование обеих реальностей отрицают мадхьямики [Урманцев, 1993].

В плане поведенческом четыре альтернативы находят воплощение в четырех равноправных типах поведенческих реакций, первая из которых вытекает из стремления человека приспособиться к миру; вторая – приспособить его к себя; третья совмещает первую и вторую реакции; четвертая – исключает обе эти реакции.

В плане детерминации можно также руководствоваться четырьмя онтологически равнозначными причинными конфигурациями, на равных правах входящими в сферу цельного знания: классическим линейным детерминизмом, циклопричинностью, причинностью, совмещающей в себе два вида причинности, и, наконец, таким типом причинности, который исключает первый и второй типы.

Обычный человек рассматривает мир сквозь призму линейной причинности, в рамках которой причина предшествует следствию. Такой взгляд на вещи есть воплощение картезианской рационально-инструментальной, директивно-манипуляторной, дискретно-дихотомической парадигмы познания и освоения мира. В рамках циклопричинности причина и следствие, потенциальное и актуальное не дифференцируются (что, кстати, имеет место в современной физике, где потенциально-возможный аспект мироздания выступает его фундаментальной характеристикой), когда причина предстает пред нами как одновременно и следствие. Концептуальную идеологию данного типа причинности выражает тоталлогия – наука о целостностях [Кизима, 1995]. В онтологических рамках третьего типа причинности, совмещающей в себе два вышерассмотренных типа, следствие может рассматриваться как предшествующее причине. Здесь поступок человека не вытекает из некоей причины, а определяется будущими следствиями этого же поступка, что встречается в ситуациях, подобно той, когда жизнь наказывает человека за преступления, которые он совершит (или может совершить) в будущем.

Цельное знание, таким образом, раздвигая бытийные горизонты человека, делает его существом поистине космического масштаба, ибо в лоне цельного знания он постигает и реализует все возможные онтологические и гносеологические варианты самоактуализации.

Далее поговорим о механизмах практического достижения цельного знания (рассмотренного нами в статье "О гносеологических и онтологических истоках цельного знания и его сущности"), которые обнаруживаются в концепции функциональной асимметрии полушарий головного мозга человека. Существуют три способа, или уровня, отражения и освоения человеком действительности: 1) конкретно-чувственный, эмоционально-образный, правополушарный, "открытый"; 2) абстрактно-логический, теоретический, левополушарный, "закрытый"; 3) парадоксально-медитативный, сочетающий первые два способа (энцефалографические исследования показывают, что в медитативном состоянии – "промежуточном" между сном и бодрствованием – полушария мозга, выступающие в обычном состоянии по отношению друг к другу, в известном смысле, функциональными антагонистами, функционально взаимно согласуются), когда в одном индивидуе сочетаются две полярные стратегии отражения и освоения действительности – художественная и мыслительная. Здесь человек предстает гармонической личностью, характеризующейся балансом противоположностей, а отсюда – колоссальной мощью, ибо, как отмечает П. Вайнцвайг, гармония как баланс противоположностей несет в себе огромное напряжение, а поэтому и колоссальную мощь [Вайнцвайг, 1990].

Первый уровень постижения бытия есть уровень художественного мирозерцания, свойственного не только художникам и детям, но и дикарям. С позиции данного уровня мир постигается и осваивается многозначно и

симультанно, как некое конкретно-чувственное, континуально-волевое целое, отражается прямо, непосредственно, метафорически, наивно, упрощенно и многозначно, в духе полного доверия и открытости, с позиции “здесь и теперь”, динамически, континуально-непрерывным образом, религиозно-мифологически [Лучинская, 1996], сакрально-ритуальным способом, в русле всеобъемлящей “космической симпатии” древнегреческих философов, эмпатически, когда человек сливается со средой своего существования, а субъект и объект познания приводятся к единству, обнаруживая принцип альтруизма – идеологию приспособления к миру посредством изменения самого себя. С позиции такого чувственно-художественного восприятия мира вся жизнь человека сакрализуется, утрачивается принципиальное различие между поступками и ритуальными действиями, а мир представляется в виде некой сверхценной сущности.

Второй уровень постижения бытия – уровень мыслительно-рационального миропонимания, свойственный ученому, взрослому человеку, нашему современнику и характеризующийся рационально-прагматическим, опосредованным, инструментально-манипуляционным, однозначным подходом к рассмотрению феноменов действительности. С позиции данного уровня мир отражается и осваивается дискретно-множественным, дискурсивно-концептуальным, схематичным, мертвенным образом как некое дискретно-вещественное множество, отражается непрямо, опосредовано, сложно, в духе скептической рефлексии, закрытости, статичности, научно-теоретически, банально-обыденным образом, в русле атомизированного, дробящего все на отдельные элементы анализа, что позволяет человеку выделиться из среды своего существования и кристаллизироваться в изолированную, личностно-индивидуальную сущность, разводящую субъект и объект познания по полюсам, отражающую мир принципиально биполярно-антиномическим способом, обнаруживая принцип эгоизма и возможность приспособливаться к среде путем ее изменения, путем волеизъявления как способности совершать выбор во множественно-дискретном мире, который предстает в виде схематичного набора онтологических сущностей, приведенных к выхоленно-абстрактным формам, познаваемым принципиально опосредовано.

Третий уровень постижения бытия представляет собой парадоксальное единство первых двух уровней, когда мир оказывается столь же многозначным, сколь и многозначным, столь же чувственно выражаемым, сколь и умопостижимым, столь же единым, сколь и множественным, как абстрактным, так и конкретным, одинаково реальным и нереальным, иллюзорным. Словом, здесь мир воспринимается и осваивается парадоксальным образом в духе творческого, просветленно-эвристического миропонимания.

Философский принцип единства мира позволяет нам заключить что, подобно тому, как развитие Вселенной идет от полевого плана (микромиира) к вещественному плану (макромииру), а от него – к их синтезу и выходу в область парадоксально-интегрального бытия (жизни) как единства энтропийной и неэнтропийной тенденций развития Вселенной, так и эволюция человека в онто- и филогенезе, как показывает психология, идет от правополушарного психического модуса (у ребенка) к левополушарному (у взрослого), а от него – к их синтезу (у пожилого человека). Здесь обнаруживается состояние функционального синтеза полушарий, когда пожилой человек, обогащенный жизненным опытом, по сути превращается в ребенка с его пластической психикой и непосредственностью восприятия мира

Поговорим об образовательном аспекте достижения цельного знания. Он предполагает достижение единства право- и левополушарной природ человека в процессе его роста и образования, что практикуется некоторыми педагогами на интуитивном уровне, но пока еще не осознается ими как теоретическая реальность. Так, имеющая умопомрачительные успехи педагогическая система В. Ф. Шаталова, как оказывается, использует принцип полушарного синтеза, когда в рамках учебного процесса приводятся к гармонии две стороны человеческой психики – конкретная и абстрактная. С одной стороны ученики получают тот или иной набор конкретных фактов. С другой – все эти факты переводятся на язык опорных сигналов, являющихся абстрактными категориями. Школьники при этом учатся целеустремленно и регулярно манипулировать одновременно двумя противоположными друг по отношению к другу рядами реалий нашей жизни, осуществляя их взаимную трансформацию, когда конкретное понимается через абстрактное, а абстрактное – через конкретное. Достаточно длительная практика приведения к функциональному единству левополушарной и правополушарной сторон психической активности способствует выработке установки на “интегральную” психическую активность, обнаруживающую стремление к творчеству и как результат – неизмеримо форсирующую учебную деятельность. Интересно, что система В. Ф. Шаталова активизирует не только чисто абстрактно-логический (левополушарный), но эмоционально-образный (потребностно-мотивационный, правополушарный) аспекты психики, когда при развитом абстрактно-аналитическом компоненте психической деятельности у детей активизируется и мотивационный компонент такой деятельности (учеба, подобно игре, становится самоцелью, превращается в самоценный, самодостаточный феномен), и, что самое удивительное, все дети при этом начинают рисовать. Актуализация одновременно правого и левого “аспектов” человека недвусмысленно свидетельствует о высокоразвитой интегрально-творческой форме психической активности, предполагающей единство логического и экспрессивного начал личности, которые в обычном состоянии представлены как конкурирующие и тормозящие друг друга.

Полушарный синтез предполагает с одной стороны наполнение абстрактным содержанием наших чувств, их рационализацию и контроль, а с другой – предполагает синергетическое перепрофилирование абстрактно-логического мышления человека, которое в данном случае перестает функционировать в режиме сугубо однозначного отражения окружающего мира. Человеческое существо при этом превращается в открытую гармоническую систему, способную усваивать огромные массивы информации, воспринимать мир не критически, с

полным доверием. Синергия абстрактно-теоретических схем приводит к абсолютному теоретическому согласованию наших знаний о мире, который при этом перестает восприниматься как нечто неопределенное. Характерными особенностями такого гармонического существа становятся толерантность и фундаментальный оптимизм, обусловленные открытостью к миру и спонтанностью поведения, вытекающего из медитативного, творческого состояния, в котором гармонический человек пребывает практически постоянно.

Поговорим о воспитательном аспекте достижения цельного знания. Э. Берн [Берн, 1996] пишет, что структура детства выступает сценарием дальнейшей жизни человека. Действительно, ребенок (особенно в раннем возрасте) представляет собой в основном правополушарное, то есть бессознательное существо. Все моменты раннего детства схватываются ребенком целиком и некритически на уровне бессознательного пласта психической деятельности, то есть усваиваются как руководство к действию в духе *положительной обратной связи*. Это обстоятельство способствует формированию множества психологических установок, как положительных и отрицательных. Положительные установки мы определяем как те, которые стимулируют те или иные действия (такие, например, как мытье рук перед едой и т. д.). Отрицательные установки мы определяем как те, которые выступают в качестве запретителя тех или иных действий ("не пей холодную воду, не балуйся, не сморкайся громко"). В достаточно взрослом возрасте человек характеризуется полушарной асимметрией и развитием левого, скепτικο-аналитического полушария, которое, в отличие от правого полушария, функционирует по правилу *отрицательной обратной связи* ("от противоположного"), когда все, воспринимаемое на уровне сознания (левополушарного аспекта психики), имеет тенденцию приниматься "в штыки", то есть подвергается критическому анализу. Поэтому все установки, которые были сформированы у ребенка, особенно в раннем детстве, у взрослого начинают перепрофилироваться, взаимопревращаться: положительные — в отрицательные, а отрицательные — в положительные, когда у человека наблюдается склонность делать все то, чему его учили в детстве, но с точностью до наоборот. Именно поэтому в семьях религиозно настроенных людей практически никогда не взращиваются религиозные дети.

Вывод: у ребенка нужно формировать нейтрально-парадоксальные установки, которые дают простор для развития и не закрепощают, не программируют, не зомбируют его. Именно такие установки формируются вне поля моральной деятельности общества, которая является глубоко дуальной, антиномичной (не нейтральной). Нейтрально-парадоксальные установки формируются на базе полушарного синтеза, который как предпосылка для развития гармонической личности в плане воспитания предполагает формирование понимания парадоксальной диалектики мира и слитности полярных нравственных качеств личности, осознание того, что человек — это цельная сущность, носитель целостного континуума нравственно-маркированных свойств, пороки и добродетели в котором есть лишь "полюса" морального магнита, способного менять свои знаки и обнаруживать бездну моральных потенциалов, при этом все нравственные качества человека оказываются равнозначными "ресурсами" психики, необходимы ему для эволюции. Чудо целостности предполагает сплавление и аннигиляцию, взаимное уничтожение полярных, исключаящих друг друга нравственных основ социального существа и кристаллизацию "космического" существа, стоящего "по ту сторону социального добра и зла" и руководимого силой "космической" нравственности, образцы которой нам даны в концепциях И.Канта, В. И. Вернадского, Тейяре де Шардена и других мыслителей, стремящихся преодолеть относительность и условность механизмов моральной регуляции человеческого поведения.

Проанализируем психологический аспект достижения цельного знания. Здесь мы остановимся на анализе динамики двух планов организма, право- и левополушарного, которые, как учит психология, функционально дополняют друг друга и поочередно сменяются в процессе жизнедеятельности, фиксируя промежуточную, граничную фазу, *цельное знание*, в которой эти планы сплавляются и взаимно трансформируются. На практике данный процесс естественным образом реализуется в сфере решения проблемы, которая актуализируется сначала на уровне правого мотивационного полушария как феномена наглядно-действенного, предметного мышления, то есть на уровне конкретной поведенческой ситуации. Далее процесс решения проблемы пересекает граничную нейтральную "нулевую" точку, промежуточную между право- и левополушарными функциями (где полушария функционально синхронизируются), что сопровождается трансом, выходом на интуитивно-эвристический, парадоксально-медитативный уровень постижения мира, где и обнаруживается цельное знание. Затем процесс перетекает в сферу левополушарных функций, где тот или иной фрагмент цельного знания преобразуется в абстрактно-знаковое содержание, либо в волевой импульс (известно, что волевое усилие реализуется на уровне левого полушария), что и выступает в виде результата решения проблемы.

Переход через нуль и выход на качественно новый уровень актуализации того или иного явления — есть выражение схемы магических действий, которые, как полагали мистики, призваны преодолеть инертность стихий природы. Данный механизм мы встречаем у В. И. Леви под названием "эхо-магнит", который предлагает способ преодоления собственного слабоволия, нерешительности: сначала человек актуализирует свое желание (у нас это правополушарный мотивационный процесс); далее он достигает психического состояния тотального отказа от своего желания, безволия и протрации. Потом при выходе из состояния протрации желание естественным образом исполняется, так как воля к совершению того или иного действия значительно активизируется (что реализуется на уровне левого полушария).

Данная схема в буддизме согласуется с четырьмя уровнями постижения реальности человеком: "На первой и второй стадиях иллюзию преодолевает соответственно субъект и объект... На третьей стадии отбрасываются и

субъект, и объект, но различие между ними все еще остается. Этот уровень отрицания относится к состоянию сознания в предельно напряженном созерцании. Только на четвертой стадии достигается отсутствие всех противопоставлений субъекта и объекта. Реальность осознается в ее окончательном единстве" [Дюмулен, 1994].

Можно сказать, что любой процесс перехода из одного состояния в другое обнаруживает, нуль-переход (цельное знание), некое пограничное состояние, "чистую экзистенцию", характеризующуюся пространственно-временной парадоксальностью, ибо здесь прошедшего, по выражению Блаженного Августина, уже нет, а будущего еще нет.

В заключение скажем, что целью развития человека является состояние целостности. Достижение данного состояния предполагает процесс слияния противоположностей. Единство противоположностей в плане цикло-континуальном может пониматься как замыкающийся на себя процесс развития человека, как круг (когда человек понимается как уже изначально заключающий в себе цель своего развития), а в плане линейно-диахроническом целостность может интерпретироваться в виде перехода из одного динамического состояния в другое, в виде точки, границы между этими двумя различными (и противоположными) состояниями, в которой, говоря языком линейного детерминизма, причина переходит в следствие, когда предыдущего состояния уже нет, а последующего еще нет. Таким образом, целое (или нулевая реальность, цельное знание) есть точка метаморфозы, преобразования одного в другое.

Как бы мы не характеризовали "нулевую реальность" (или цельное знание), суть остается одной: она, выражаясь языком метафоры, является вратами к бессмертию и вечной подлинной жизни, целью и смыслом всякого существования. Каждое мгновение, минуту, час, год мы "пересекаем" эту реальность, долго в ней не задерживаясь и одновременно пребывая с ней вечно (как показали некоторые исследователи, мгновение и вечность, по сути, представляют собой одно и то же). Она наделяет нас чувством освобожденности, покоя, высшим блаженством. Занимаясь различными делами, вовлекаясь в те или иные формы жизнедеятельности, мы, не отдавая себе отчета, "генерируем", "добываем", актуализируем эту реальность, ибо всякая активность, будучи изменением, развитием, движением, осуществляется волнообразно, колебательным, синусоидальным образом, а любая волна в процессе саморазворачивания фиксирует нейтральные нулевые фазы, графически представленные на синусоиде в виде нулей функции.

Литература:

- Алексеев П. В., Панин А. В. Теория познания и диалектика. – М.: Высш.школа, 1991. – С. 21–22, 184.
Берн Э. Игры, в которые играют люди. Люди, которые играют в игры. – М.: Изд. ЦОЦ, 1996. – С. 192–206.
Вайнцвайг П. Десять заповедей творческой личности. – М.: Прогресс, 1990. – С. 35.
Витгенштейн Л. Логико-философский трактат. – М., 1958. – С. 83–88.
Гегель Г. Сочинения. – М.: Изд. АН СССР, 1932–1958.
Голицын Г. А., Петров В. М. Гармония и алгебра живого. – М.: Знание, 1990. – С. 71.
Дюмулен Г. История дзен-буддизма. Индия и Китай. – СПб., Орис, 1994. – С. 234–235.
Кант И. Собрание сочинений в 6-ти томах. – М.: Мысль, 1963–1966.
Кизима В. В. Таталогические аллюзии // Totallogy. Постнекласичні дослідження. – К.: ЦГО НАН України, 1995. – С. 20–131.
Лосев А. Ф. Типы отрицания // Диалектика отрицания отрицания. – М.: Полит-издат, 1983. – С. 149–170.
Пучинская Л. М. Демоны правого полушария // Человек. – 1996. – № 1. – С. 30–38.
Рыбаков В. Влияние непрерывного освещения животных на суточный ритм профилиративной активности их организмов // Журнал общей биологии. – 1979. – Т. 11. – № 5. – С. 134.
Рычков Ю. Г. История как фактор генетического развития народонаселения // Человек в системе наук. – М.: Наука, 1989. – С. 168.
Спрингер С., Дейч Т. Левый мозг, правый мозг. – М.: Мир, 1983. – С. 230
Урманцев Ю.А. О формах постижения бытия // Вопросы философии. – 1993. – № 4. – С. 89–105.
Шляхин Г.Г. Аналитическое и синтетическое // Логика и онтология. – М.: Наука, 1978. – С. 185–187
Юдакин А. П. Развитие структуры предложения в связи с развитием структуры мысли. – М.: Наука, 1984. – С. 141.